

И Даньдань, хоть и принял человеческий облик совсем недавно, был на редкостьмышлёным малюткой. Природный ум наделил его безошибочным чутьём: он инстинктивно понимал, когда нужно держаться настороже, а когда — бежать без оглядки.

Если все эти дни Жун-жун, заботливый и мягкий, казался ему огромным и абсолютно безопасным защитником, рядом с которым чувствуешь себя как за каменной стеной, то теперь всё изменилось. Жун-жун помрачнел, в его взгляде притаилась глухая, едва сдерживаемая ярость. И Даньдань нутром почуял угрозу.

Он робко попятился, сжимаясь, но взгляда не отвёл.

Жун Чэньцзюнь даже не заметил, как сжался маленький дух. Он ледяным, режущим тоном процедил в трубку:

— Ян Фэй, у тебя рот помойный совсем не закрывается? Нормально разговаривать разучился?

На том конце провода яростно взревели:

— Твою мать, ублюдок! Ты на кого пасть раззинул?! Слышь, сука, я сейчас родителям наберу, скажу, как ты меня тут поливаешь!

Жун Чэньцзюнь так разозлился, что у него на виске запульсировала вена.

— Ты, кроме как дерьмом плевать да мамочке жаловаться, хоть что-то умеешь? Предупреждаю, Ян Фэй: ещё хоть одно слово в таком тоне, и пеняй на себя. Плевать мне на былые родственные связи.

Уловив в голосе брата глухую, леденящую ярость, Ян Фэй вдруг резко успокоился и даже повеселел. Перейдя на наглый тон, он фыркнул:

— Ой, да ладно тебе зубы скалить, только языком чесать горазд. Плевать я на тебя хотел. Короче, кинь мне бабла побыстрее, очень надо. Слышишь меня?

Жун Чэньцзюнь процедил сквозь зубы:

— Зачем тебе деньги? Я буквально на днях перевёл твоим... твоим родителям пятьдесят тысяч. Ты что, уже всё спустил? Это их пенсионные деньги, а не твоё личное пособие на разгульную жизнь!

Ян Фэй развязно хмыкнул:

— Да что на эти крохи сейчас купишь? Такой крутой босс, а жадный как чёрт. Зря только предки тебя столько лет кормили да растили! Настоящий пригретыш, сколько ни корми — всё равно волком смотрит!

Жун Чэньцзюнь с оглушительным треском сжал кулаки.

— Ян Фэй, позволь напомнить: меня вырастили твои родители, а не ты! Даже когда они просят у меня денег, я даю их лишь по доброй воле. А ты-то сам кто такой, чтобы мне условия ставить?

Угрожающий, сочащийся чистым льдом голос Жун Чэньцзюня, похоже, на секунду протрезвил Ян Фэя. Тот тяжело задышал в трубку и лишь спустя мгновение выдавил:

— Ян Чэньцзюнь... Ну ты и тварь неблагодарная. Не подкинешь, значит? Ну и хрен с тобой. Я сейчас сам родителям позвоню!

Из динамика донеслись короткие гудки — он бросил трубку.

Жун Чэньцзюнь так разозлился, что на лбу у него запульсировала синяя жилка. Он резко размахнулся и с силой швырнул телефон на пол.

От него волнами хлынула пугающая, первобытная мощь, словно в глубине его существа медленно пробуждался от векового сна свирепый хищник. Уютная, залитая мягким светом столовая мгновенно погрузилась в невидимый, но осязаемый мрак. Воздух сгустился, дышать стало трудно.

Эта безмолвная аура, величественная и пугающе потусторонняя, давила могильной тяжестью. От одного лишь взгляда на Жун Чэньцзюня кровь стыла в жилах, а воля рассыпалась в прах.

Экран телефона с сухим хрустом разлетелся на осколки, разбросав по полу обломки пластика, но Жун Чэньцзюнь остался неподвижен. Его взгляд был полон ярости, словно в нём бушевала гроза. В комнате воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь его тяжёлым, прерывистым дыханием.

В этот миг в зловещем безмолвии раздался слабый, дрожащий голосок:

— Жун-жун...

Жун Чэньцзюнь вздрогнул. Могильный мрак, окутавший его разум, мгновенно рассеялся, возвращая его к реальности.

Он перевёл взгляд на обеденный стол. В его взгляде ещё тлел багровый огонь, но стоило ему заметить, как беззащитный малютка беззвучно сжался от страха, ярость тут же утихла.

На смену ярости пришло глубокое, паническое смятение. Он приоткрыл рот, пытаясь выдавить хоть слово, но язык его не слушался. Жун Чэньцзюнь лишь бессильно замолчал, чувствуя, как внутри всё сжимается от стыда.

"Я напугал его... Я до смерти напугал этого кроху".

Осознав, что в порыве гнева обнажил перед малышом свою тёмную, уродливую сторону, он замер, не смея поднять глаза на крошечного духа.

"Наверное, ему нельзя оставаться со мной. С таким вспыльчивым, неуравновешенным уродом нормальные люди долго не протянут. Рано или поздно этот малыш, как и все остальные в моей жизни, просто возненавидит меня и сбежит".

Жун Чэньцзюня охватила ледяная тоска, и он совсем сник, чувствуя себя бесконечно одиноким.

Но посреди этого беспросветного уныния Жун Чэньцзюнь вдруг почувствовал на щеке робкое, невероятно мягкое и тёплое прикосновение. Он изумлённо вскинул голову.

Крохотный человечек смотрел на него кристально чистым, открытым взглядом, в котором не было ни капли страха — лишь бесконечная, трогательная забота. Он изо всех сил тянулся к Жун Чэньцзюню своей маленькой ладошкой, пытаясь утереть невидимые слёзы с его лица.

— Жун-жун, что с тобой?

Жун Чэньцзюню перехватило горло, он почувствовал, как наворачиваются горячие слёзы. Он и представить не мог, что этот крошечный комочек не заберётся в угол от ужаса, а проявит к нему такую трогательную заботу.

Стараясь скрыть свою минутную слабость, он замер, боясь даже вздохнуть, чтобы не разрушить этот момент. Его голос, обычно твёрдый и уверенный, сейчас звучал тихо и надтреснуто:

— Даньдань... Я напугал тебя, правда? Прости меня...

Малыш со всей серьёзностью и решимостью замотал головой, а затем гневно насупился:

— Нет! Жун-жун, это тот плохой дядя из трубки тебя обидел, да? Я слышал, как он кричал на тебя! Какой же он гадкий и вредный!

Глядя на эту умильную картину искреннего праведного гнева, Жун Чэньцзюнь почувствовал, как глухая тоска бесследно растаяла. В самом тёмном уголке его иссушенного сердца робко, но уверенно пробился зелёный росток надежды.

— Даньдань...

— Жун-жун, ты только не бойся! Если этот негодяй ещё раз посмеет тебя обидеть, только скажи — я его живо проучу! Я ведь волшебный дух, у меня знаешь сколько заклинаний в запасе!

Ледяная броня Жун Чэньцзюня окончательно рухнула. Дрожащими пальцами он бережно подхватил малыша, перенёс его на раскрытую ладонь и, поднеся к лицу, ласково потёрся щекой о его тёплый пушистый бочок.

— Спасибо тебе, Даньдань. Я в порядке. Просто немного не сдержался, главное — тебя не напугал. Тот негодяй мне ничего сделать не сможет, так что не переживай, ладно?

Маленький дух даже не догадывался, сколько шрамов скрыто в душе его защитника. За свою жизнь Жун Чэньцзюнь привык, что окружающие, завидев его в ярости, либо шарахались в сторону, либо осыпали проклятиями. Даже его давний друг Мин Юй как-то честно признался, что в такие моменты от Жун Чэньцзюня веет чем-то потусторонним и по-настоящему жутким.

Но И Даньдань не выказал ни тени испуга. Он безоговорочно доверял ему, искренне сопереживал и смотрел на него так, словно этот грозный великан был для него целой вселенной.

"Какое же это счастье..."

Прежде Жун Чэньцзюнь искренне верил, что ему никто не нужен, да и сам он в этом мире лишний. Но сейчас он понял: свет не манил его раньше не оттого, что он любил тьму, а просто потому, что прежнее пламя было слишком тусклым. А этот крошечный огонёк согрел его до самых глубин души.

— Жун-жун, ты только что был такой страшный... Прямо как... как настоящий великий монстр!

Жун Чэньцзюнь уже полностью пришёл в себя. На душе у него было тепло и покойно, а забавные слова малютки вызвали у него лишь мягкую улыбку. Малыш лопотал о страшных монстрах, но в его взгляде светилось лишь детское любопытство.

— Вот как? Великий демон? Даньдань, а ты хоть раз видел настоящих демонов?

И Даньдань упрямо задрал нос:

— Не видел, но я нутром чую! Жун-жун — самый настоящий, могущественный монстр!

Жун Чэньцзюнь не принял эти слова всерьёз, решив, что малыш просто наслушался сказок и

немного переволновался.

— Ну всё, Даньдanh, не бойся. Обещаю, я больше никогда не буду так злиться. Честное слово.

Прежде его совершенно не заботило, что о нём думают другие. Когда те люди, называвшие себя его родителями, превращали его жизнь в ад, он намеренно выпускал наружу свою жуткую, пугающую сущность. Это было его единственным оружием: до смерти напуганные мучители реже поднимали на него руку, боясь получить сдачи.

Сбежав наконец из того проклятого дома, он годами учился умирять этот внутренний ураган, заталкивая гнев поглубже и не позволяя ему вырываться наружу.

Однако сегодня наглость Ян Фэя переполнила чашу терпения, всколыхнув застарелые, покрытые пеплом обиды. Контроль над собственным разумом на миг дал слабину.

И Даньдanh не ведал о тайнах прошлого своего защитника, но аура, хлынувшая от него несколько минут назад, была слишком ошеломляющей. Рядом с ней крошечный яичный дух ощущал древний, инстинктивный трепет — его естество требовало склониться перед этим величием и признать своего господина.

Страх сковывал его, но преданность оказалась сильнее. Для И Даньдanh, чья душа была чиста и невинна, существовала лишь одна простая истина: его любимого Жун-жуна смертельно обидели. И он обязан был сделать всё, чтобы утешить своего друга.

— Жун-жун, тебе всё ещё плохо?

Малютка неуклюже погладил его ладошкой по щеке, его голос звучал совсем тихо.

— Уже нет, мой хороший. Всё прошло, — Жун Чэньцзюнь ласково погладил его пальцем по голове.

Малютка и сам не понимал, какую бурю нежности и благодарности вызвало в душе сурового мужчины это простое, доверчивое "Жун-жун".

Жун Чэньцзюнь сделал глубокий вдох, окончательно беря себя в руки, и поднялся со стула, чтобы навести порядок.

Он быстро убрал остатки ужина, сгрузил посуду в раковину и принялся за мытьё. С тех пор как в доме появился Даньдanh, Жун Чэньцзюнь отказался от услуг приходящей домработницы — безопасность секретного жильца была превыше всего. Теперь всю домашнюю работу ему приходилось делать самому.

К счастью, самостоятельности ему было не занимать с малых лет. Руки помнили привычные движения, и уже через пару минут кухня сверкала первозданной чистотой.

Крошечный И Даньдань порхал над его плечом, восторженно щебеча:

— Жун-жун, ты просто волшебник! Ну как у тебя всё так ловко получается? Ты такой невероятный!

С тех пор как в его жизни появилось это маленькое чудо, Жун Чэньцзюнь так часто выслушивал подобные восторги, но до сих пор не мог сдержать глупой, блаженной улыбки при каждом ласковом слове крохи.

Стоило малютке посмотреть на него с абсолютным, чистейшим обожанием, как суровый директор крупной корпорации превращался в безвольный комочек нежности.

Он и прежде питал слабость к шарнирным куклам, ухаживая за своей коллекцией как за собственными детьми и порой делясь с ними мыслями вслух. А теперь, когда у него на ладони сидел живой, говорящий и мыслящий крохотный дух, его привязанность переросла в настоящее обожание.

Но сейчас это было уже не просто увлечение. После того как кроха без колебаний бросился его утешать, Жун Чэньцзюнь навсегда впустил его в своё израненное сердце.

В его жизни было слишком мало того, что имело истинную ценность. Теперь И Даньдань стал его семьёй — единственной и самой дорогой. И если кто-то посмеет причинить этому крохе вред, Жун Чэньцзюнь костями ляжет, но защитит его.

Он не считал подобную решимость безумием. По своей природе Жун Чэньцзюнь был человеком крайностей: преданный до глубины души, он без раздумий бросался в бой за то, что считал своим, не щадя собственной жизни.

И крошечный яичный дух теперь по праву занял в его сердце самое почётное место.

Закончив с мытьём посуды, Жун Чэньцзюнь взял веник и совок, чтобы собрать разбросанные по полу обломки. Даньдань тут же приземлился ему на плечо и с глубоким сожалением вздохнул:

— Жун-жун, твой красивый телефончик совсем разбился... Как жалко! А как же я теперь буду с тобой разговаривать, когда тебя не будет дома?

Жун Чэньцзюнь ласково повернул голову к своему крошечному пассажиру и мягко улыбнулся:

— Не переживай, малыш, это пустяки. Я сейчас выйду ненадолго, куплю новый телефон и восстановлю сим-карту. Ты по-прежнему сможешь звонить мне в любое время.

Жун Чэньцзюнь тепло вспомнил вчерашний день. Стоило ассистенту Тану привезти для малютки новенький аппарат, как тот вцепился в него словно в сокровище и весь вечер без умолку названивал своему покровителю по всяким пустякам. Это было невероятно трогательно.

Закончив уборку, Жун Чэньцзюнь быстро переоделся. Предстояло не только зайти в салон связи, но и встретить во всеоружии ту бурю, которую наверняка попытается поднять его так называемая семья.

Сегодняшний срыв был непростительной оплошностью. Отныне он сделает всё, чтобы скрывать свою тёмную сторону. Даньдань был слишком хрупок и чист, и Жун Чэньцзюнь не вынес бы, если бы его неосторожная ярость ранила это крошечное создание.

Едва за Жун Чэньцзюнем защёлкнулся замок, И Даньдань вспорхнул к окну. Спрятавшись в складках тяжёлой портьеры, он осторожно высунул голову и уставился вниз. Спустя пару минут из дверей подъезда действительно показался его высокий покровитель.

"Как же я завидую Жун-жуну... Он может уходить и приходить когда только вздумается. Я тоже хочу на волю, погулять..."

С грустным вздохом малыш уселся на оконный импост и, по-стариковски подперев крошечными ладошками подбородок, уставился на плывущие по небу облака.

"Судя по всему, единственный способ выбраться на улицу — без устали хвалить Жун-жуна. Он так смешно тает, когда я им восторгаюсь! Буду говорить ему приятности почаще, тогда он точно растает и возьмёт меня с собой".

"Эх, как же нелегко быть маленьким домашним духом..."

<http://bllate.org/book/18224/1747921>